

Роман Сенчин

В норе

*Часть сборника
Иджим (сборник)*

Роман Валерьевич Сенчин

В норе

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2685665
Роман Сенчин «Иджим»: ЭКСМО; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-41760-5

Аннотация

«Середина декабря – самое скучное, сонное время. Деревня, спрятавшись в низине по берегу пруда, съжившись, укрылась снегом. Избы превратились в большие сугробы, из них плотными серыми столбами поднимаются вверх дымы. Холодное, мутно-красное солнце – на него и в полдень можно смотреть не шурясь, – проползает по краешку неба и равнодушно закатывается за гору, оставляя на небе, тяжелом и низком, на сухом колючем снегу багряные разводы. Разводы эти обещают назавтра мороз. Люди прячутся по домам, смотрят телевизор, едят и спят. Забот немного – следить за оставленной в зиму скотиной, поддерживать тепло в жилище да еще расчищать тропинки в ограде и к колодцу после снегопадов. А так, что еще делать...»

Роман Сенчин

В норе

Середина декабря – самое скучное, сонное время. Деревня, спрятавшись в низине по берегу пруда, съежившись, укрылась снегом. Избы превратились в большие сугробы, из них плотными серыми столбами поднимаются вверх дымы. Холодное, мутно-красное солнце – на него и в полдень можно смотреть не шурясь, – проползает по краешку неба и равнодушно закатывается за гору, оставляя на небе, тяжелом и низком, на сухом колючем снегу багряные разводы. Разводы эти обещают назавтра мороз.

Люди прячутся по домам, смотрят телевизор, едят и спят. Забот немного – следить за оставленной в зиму скотиной, поддерживать тепло в жилище да еще расчищать тропинки в ограде и к колодцу после снегопадов. А так, что еще делать...

Вечер тихий и спокойный. Длиннющий. Собаки свернулись в своих тесных будках, сунули морду под хвост. Ничего не хотят слышать и видеть. Их особо и не тревожат. Редко-редко в эту пору встретишь прохожего, еще реже проскрипят по насту полозья саней, которые тащит равнодушная, в каплях замерзшего пота, с бахромой инея на морде лошадка.

Вот уже стемнело совсем, небо изрыбили зеренки звезд, а глянешь на часы – и шести нет...

– Да, открыто!

Обитая клеенкой дверь запищала, поддалась трудно, скребя половицы сенок. В кухню ворвался белесый ком пара, секунду-другую клубился и, когда дверь закрылась, исчез.

– Здоровенько! – Гость нашел взглядом сидящего за столом хозяина. – А я вот к тебе, Игорек. Можно?

– Проходите, Юрий Васильевич. Хм... проходите, конечно.

Юрий Васильевич ответно мыкнул, потопал о коврик, стяхивая с валенок крупинки снега.

– Дверь-то подладить бы надо, – заметил, – скоро, гляди, и совсем не сдвинешь.

– Разбухла, – равнодушно объяснил хозяин. – С одной стороны тепло, с другой – мороз. Перекорежило.

– М-да...

– Раздевайтесь, у меня чай как раз заварился.

– У-у, дело! – Юрий Васильевич снял шапку, коротенькую, на искусственном меху шубейку. – Что, пишешь все? – кивнул на заваленный бумагами стол.

– Так... – Хозяин подставил ему единственный стул, сам сел на табуретку.

Устроившись, Юрий Васильевич раскрыл портсигар с двумя сплетшимися в танце журавлями на крышке.

– Закуривай, Игорек, я тут днем накрутил.

– О, спасибо! У меня сигареты кончились, а эти вот штуки никак делать не научусь. Расползаются.

– Для всего способность нужна. У тебя к одному способность, у меня, например, к другому. Тем, Игорек, и живем.

Закурили, не спеша втягивали едкий, драконящий горло и в то же время ароматный и сладковатый дым самосада.

Юрию Васильевичу за пятьдесят. Он крепкий, неповоротливый, с широким, изрезанным морщинами лицом, седоватой щетиной на скулах. Двигается тяжело, всегда как бы устало, и хотя на самом деле невысок и совсем не толст, но кажется большим, грузным в этой маленькой комнате-кухонке, рядом с сухощавым, длинноволосым и бородатым, в истертом плюшевом пиджачке в черную и салатную полоски, всегда словно обиженным на что-то Игорем – Игорьком.

– Помешал небось? – Юрий Васильевич опять кивнул на бумаги. – Ты извини...

– Да нет, чему тут мешать...

– Не скажи, не скажи.

Хозяин сунул бумаги в лежащий на кровати фанерный чемодан, спросил с показным интересом:

– Как там погода?

– Да как – морозит всюю. Шел вот, чуть нос не отпал...

Хотя лучше пускай сейчас морозит, чем в апреле. Декабрь – он на то и декабрь... Весной-то, чую, предстоят дела... – Юрий Васильевич досадливо побряхтел. – Тут моя понасмотрелась на этих, на Калашовых, как они в том годе теплиц понаделали, всё в целлофане, и тоже решила вот... Кхе-хе... Собирается после Нового года в первое полнолуние рассадку се-

ять. Помидорчики, перец... Ящиков заставила наколотить, все доски извел... Захотелось ей, видишь ли, чтоб помидоров как картошки было. Сдурела на старость.

Гость разошелся, увлекся хотя бы заочным спором с женой, а ведь думал, закурив, сразу предложить Игорьку сообщить насчет выпивки.

– Я ей говорю: «Целлофан этот покупай, но на свою пенсию. – Она ж у меня на инвалидности, больная вся. – Он бешены деньги стоит, а рвется легче бумаги. Накупить его, а потом сидеть, что ли, голодом? Помидоры, если даже и уродятся, они все же не хлеб». Не понимает. – Достал еще самокрутку, покатал промеж шершавых ладоней, но раскуривать пока что не стал. – Пуска-ай подурит... Эти Калашовы, видать, матерые, наловчились в своем Казахстане, и машина у их – сел и поехал в городе торговать. А нам-то куда? Нам с ей и с десяти корней хватит, дети у тех же Калашовых купят, слава богу, могут позволить себе. Работают, зарабатывают... А тут эти туманы еще чёртовы от комбината, сам видишь, картошка и та после их чернет, а она – помидоры... А отдуваться кому? У нее-то приступы по три раза в неделю. Значит, опять я... Помидорщица тоже... – Юрий Васильевич тяжело вздохнул и тем же расстроенным голосом предложил: – Давай, Игорек, что ли, пропустим маленько. У? С устатку, после рабочего дня.

– У меня денег нет, – виновато-уныло развел руки хозяин.

– Да не, у меня-то есть. Полкуля комбикорма тут пихнул

одним. Все равно крысы сожрут, так хоть с пользой... Посидим тихонечко, побеседуем.

– Можно, конечно. Настроение какое-то, как раз для этого.

– Во-во! – поддержал Юрий Васильевич. – А пропустим, вроде и посветлей станет. – Поднялся. – Тогда побегу. Я до Егоровых, так что на одной ноге. – И, натягивая шубейку, узнал как бы мимоходом: – Зажевать-то есть чего?

– Картошка, капуста.

– У-у, милое дело. Ты тут пока... а я мигом.

Игорь наскоро и небрежно собрал на стол. Кастрюля с вареной, уже остывшей и посиневшей картошкой, два стакана, две вилки. В литровой банке морс из остатков протертой с сахаром жимолости. Из сенок принес эмалированный бак, надолбил ножом в миску заледеневшей соленой капусты... Бак оставил у двери на случай, если понадобится еще.

Осмотрел сервировку, кушанья, ухмыльнулся. Сел на кровать.

Только достал бумаги – опять постучали.

– Открыто же!

Дверь задергалась, туго стала уползать в глубь сенок. Из пара вместо Юрия Васильевича появилась невысокая девушка в зеленом пуховике и пышной собачьей шапке с опущенными ушами. Левое плечо тянет к земле туго набитая сумка.

– Добрый вечер, добрые люди! – Девушка поставила сум-

ку и огляделась; без церемоний стала развязывать тесемки под подбородком. – Погреться можно у вас?

Игорь смотрел на нее, в руках застыли листы... Гостье в конце концов надоела его оторопь:

– Ну, слушай, встреть меня.

– Хм... – Он сунул бумаги обратно в чемодан, захлопнул крышку, поднялся. – Хм, извини... Привет... Проходи, пожалуйста.

Она засмеялась:

– Спасибо! – И наклонилась, чтоб расшнуровать мощные, на толстой подошве, ботинки.

– Нет, не надо, не разувайся. Из подпола дует... да и грязно.

Отдав Игорю повесить пуховик, она прошла к столу.

– О, королевский ужин на двоих. Меня ждал?

– Да так... сосед должен... посидеть решили...

– Понятненько. – Девушка обежала взглядом обстановку в кухонке – разбросанные повсюду книги, буфет с дверцами без стекол, с облупившейся краской, магнитофон «Томь» с расколотым и заклеенным изолентой корпусом; остановила глаза на хозяине. – Да-а, Игорек... Борода, пиджачок в полосочку, картошка вареная... Женька все верно описывал.

– Да?

– Да.

Стояли, глядя друг на друга. Ее лицо, разгоряченное морозом, свежее, на щеках алые, будто гримом выведенные

пятна; он же бледный, заросший до глаз рыжеватой, слегка вьющейся бородой... Молчали.

Но вот гостя отвела взгляд, и хозяин встряхнулся, засуетился.

– Ты садись, – подвинул ей стул. – Ф-фу, что-то я совсем...
Никак не могу в себя прийти. Извини...

Она села.

– Ну, как тут?

– Нормально... Хм, живу вот. Холодно, правда. Эти дни под утро на сорока держится... Второй рамы нет, одеялом вот окно затянул. Все равно сифонит... Печка слабая... А вообще-то, – голос его пободрел, – вообще-то – отлично.

– Понятненько. Прочно, значит, в норку забился?

– Можешь и так считать. – Игорь тоже сел, взял оставленную Юрием Васильевичем самокрутку. – Сейчас сосед должен бутылочку принести. Как раз... Вот отметим приезд, так сказать... Ты как собралась приехать-то? – Закурил. – До сих пор не верится...

– Прыгнула в автобус и приехала. Решила взглянуть, как тут наш Игорь Фролов великий поживает, как ему творится. К тому же, может, здесь учителя нужны.

Он усмехнулся:

– В сельские учительницы хочешь податься?

– Может быть...

– Как учеба?

– Неплохо. Диплом пишу.

– А тема?

– Тема?... «Юродивые в русской литературе».

– У-у, материал богатый...

– Глухомань тут у вас. Я вот прошла, глянула, хоть и темно...

– Ты, кстати, на чем приехала? – Игорь, нахмуясь, взглянул на будильник. – Рейсовый два часа как был. Задержался, что ли, опять?

– Я на том, который Красноярск – Шушенское.

– И с трассы пешком?! Тут же километров пять...

– Ничего, прогулялась.

– Ну ты даешь...

Замолчали, разглядывали друг друга, изучали, как близкие некогда, но давно не видевшиеся люди... Вдруг Игорь вскочил, ткнул сигарку в пепельницу, засуетился.

– Хм!.. Что-то я совсем отупел... Так, так, – увидел ведро под умывальником, полное помоями до зарубки. – Ты не скучай, я сейчас.

Сунул ноги в разношенные почти до бесформенности валенки, кинул на голову кроличью шапчонку; взял ведро, пихнул дверь.

– Вот привезла кой-чего, – объявила гостя, когда он вернулся. – Женька мне порассказал, как ты живешь, чем питаешься. Я каждый раз от этого плачу, представляешь?

– Гм... – Игорь вытащил из ведра несколько обледенелых

березовых полешков, положил сбоку печки, чтоб подсыхали. – Спасибо.

– Даже на водку какую не поскупилась! «Серебро Сибири», семнадцать тысчонок за ноль семь литра. Вы здесь, на-верное, самогон хлещете...

– Спирт. Самогон с чего гнать? А тут спиртзавод в соседнем селе... – Он уставился на горку продуктов – колбаса, консервы, пакеты с крупой, сардельки, лимоны; протянул ошалело: – Дела-а...

– Что, может, выпьем до твоего соседа? За встречу.

– Конечно, конечно! – потянулся Игорь к бутылке. – Давай откроем.

– Да она винтовая, легко. Ты лучше консерву какую-нибудь...

Игорь покрутил в руках одну банку, другую. Спросил потерянно:

– Какую?... Скумбрию? Сайру?

– Открывай сайру. С картошкой вкусно.

Пока он разрезал ножом жесть консервы, девушка скрутила крышечку бутылки, сама стала разливать.

– У, стаканы-то! – возмутилась.

– Это от чая... налет. Рюмок, извини, нет.

Сели, чокнулись. Подождали, точно собираясь еще что-то сказать, но не собрались. Выпили.

– У-у-ух! – Гостья передернула плечами, подцепила вилкой бледно-оранжевые лохмотья капусты. – А хлеб имеется?

– Нет, нету... Всё не могу в магазин собраться. Картошка... А, сейчас! – Он вскочил, достал из буфета тарелки; высыпал картошку из кастрюли. – Накладывай, какая поаппетитней, а то тут с глазками есть... для себя варил... Рыба классная. Тыщу лет сайру не пробовал.

Некоторое время увлеченно ели. Девушка, видимо, проголодалась с дороги.

– Что-то сосед пропал, – опять взглянув на будильник, бормотнул Игорь. – Может, кого-то встретил другого... Хорошо бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.